

КОНТЕКСТ

Иван и Елена (Присоединение к газ. «Сов. культура»)

Случай, сведший меня с известным артистом кино Юрием Назаровым, неумолимо подчинился закону силы его личности, притягивающей многочисленных поклонников души и таланта. А их числу можно позавидовать. И все-таки не это главное. В кулуарах съезда кинематографистов, разговаривая с Юрием Владимировичем, заметила, как преображались лица тех, кто встречался с ним, руки в искреннем порыве устремлялись в крепкое рукопожатие. Юрий Назаров — человек несколько не современный: просто жить для него недостаточно, хотя военнопослевоенное детство научило ценить самое малое, но оно же заставило искать свое главное дело. Может быть, поэтому Назаров бросил Щукинское училище и отправился на целину, затем поступил в мореходное училище и только лишь потом вернулся назад в родное Щукинское. Юрий Назаров — это созвездие прекрасных ролей в фильмах «Андрей Рублев», «Горячий снег», «Баллада о комиссаре», «Маленькая Вера»... Но какими бы ни были киногерои Юрия Назарова, самому распоследнему из них сострадаешь, нежели уличаешь в нем злодея, и все оттого, что актер любит своих персонажей, как своих детей. Кстати, о детях: у Юрия Владимировича трое дочерей, сын и одна внучка.

Юрий НАЗАРОВ:

«КАК ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОДИНОКО И НЕУЮТНО ОДНОМУ...»

— КОГДА-ТО я снялся в роли главного инженера, придумавшего проект, проведение в жизнь которого почему-то всем мешало: и организации, и тете Маше-уборщице — ну всем. Вышло, что герой — положительный, но дурак! Он слабо оборонялся перед женой: «Я бы на твоём месте гордился, что у тебя муж — дурак. Не будет нас, кто же работать-то будет?» Он почему-то оказывался один против всех. Вроде был за всеобщее благо, но это как-то всем очень мешало. Без этого его «блага» всем как-то получалось, может, и не так хорошо, но привычнее, спокойнее. К чему я об этом? А к тому, что сам себя сегодня ощущаю тем своим героем.

— Юрий Владимирович, не боитесь, что наш зритель сегодня может оказаться в дураках оттого, что кинематограф [его VI съезд — не пример ли тому?], так и не обретший идеи, объединяющей вокруг себя всех, кому дорого будущее нашего киноискусства, сегодня бросился из огня да в полымя?

— Съезд наш зарылся куда-то в дебри процедурных проблем, а какие тут процедуры, когда вообще неизвестно, что строить и зачем строить. Отрицание скорее объединяет людей (V съезд, к примеру): всем что-то мешает жить и развиваться — ну собрались все вместе да и убрали, снесли, своротили с дороги эту всеобщую преграду. А строить каждому хочется свое: тому с рюшечками, этому с завитушками. Поди тут договорились. Основное направление вроде нащупывается. Очевидно же, что настрадался советский народ за предыдущие 70 пури-танских кинолет без лицемерия голых задниц. Мы-то, глупые, в пионерах пели: «Отцы о свободе и счастье мечтали». Для чего сами себя призывали: «Работай, учись и живи для народа». А тут как просто-то все оказалось: заголил, показал, у кого что есть, — тут тебе и свобода, тут и счастье! На кой черт еще мучиться: «работать» да «учиться»? Жрать, правда, нечего стало, ну это «коммунисты виноваты», пусть сами и выправляют положение.

— А чего мы все-таки ждем? Если у моря погоды, то кто нам ее сделает? Рынок! И кто при этом даст гарантии, что не захлебнемся в рыночной стихии?

— Не знаю, как там сейчас в сфере материального производства с рыночными отношениями, но в кино, мне кажется, давно и прочно воцарился рынок. Причем самый черный.

А мне почему-то (возможно, по причине моего сталинского еще пионерского и комсомольского воспитания) кажется, что главная задача искусства — просветительская. А не потребительская. «Потребительское» — для рынка. И оно бывает очень высококачественным, даже высокохудожественным, для любителей самого изысканнейшего, «интеллектуального» кайфа. У нас почему-то считается, что получать кайф от саксофона (извлекаемых из него звуков) несомненно интеллектуальнее и благороднее, чем получать кайф от спиртного. Это, конечно, «такси-блюз», самые теплые, самые последние эстетические впечатления.

Где-то я краем уха слышал: уважение к жизни — вот универсальная этика. Очень я с этой формулировкой согласен. Да ведь, помнится, нас когда-то призывали «сеять разумное, доброе, вечное» или хотя бы «чувства добрые пробуждать». И вроде глупость это не считалось. Я смолodu стремился в «артисты» только ради этого, а никак не ради того, чтобы демонстрировать (с экрана ли, со сцены ли)

способы выпускания кишок или сексуального общения (с покойниками ли, на подоконнике ли), чем сейчас так решительно и углубленно занялась наша рыночная кинематография.

— Можете долго спорить, хорошо это или плохо — рыночный кинематограф, но для меня, как для зрителя, сразу возникают два разных мира кино, никак не перекликающихся между собой: один из них — это «Машенька», «Летят журавли», «Мне двадцать лет», другой — «Трагедия в стиле рок», «Игла», «Такси-блюз». В чем их различие?

— По поводу шедевров, о создании которых мы так бурно печемся и об отсутствии которых столь искренне и горько сетуем, когда-то очень мило выразился Анатолий Франс: «Для того, чтобы создать шедевр, нужна истинная гениальность и вовсе не обязательно заранее принятое решение». Гениальность, конечно, штука неплохая, но ведь известно, что даже люди, ею бесспорно наделенные, шедевры создавали не каждый день, а все-таки от случая к случаю. Стало быть, кроме гениальности или хотя бы таланта, еще что-то было необходимо. Случай? Толчок какой-то? Мысль? Идея? Мне почему-то кажется, что счастливая находка мысли. Не болтовни, не пустых словес, не видимости, а мысли, лежащей в основе всякого разумного созидательного деяния.

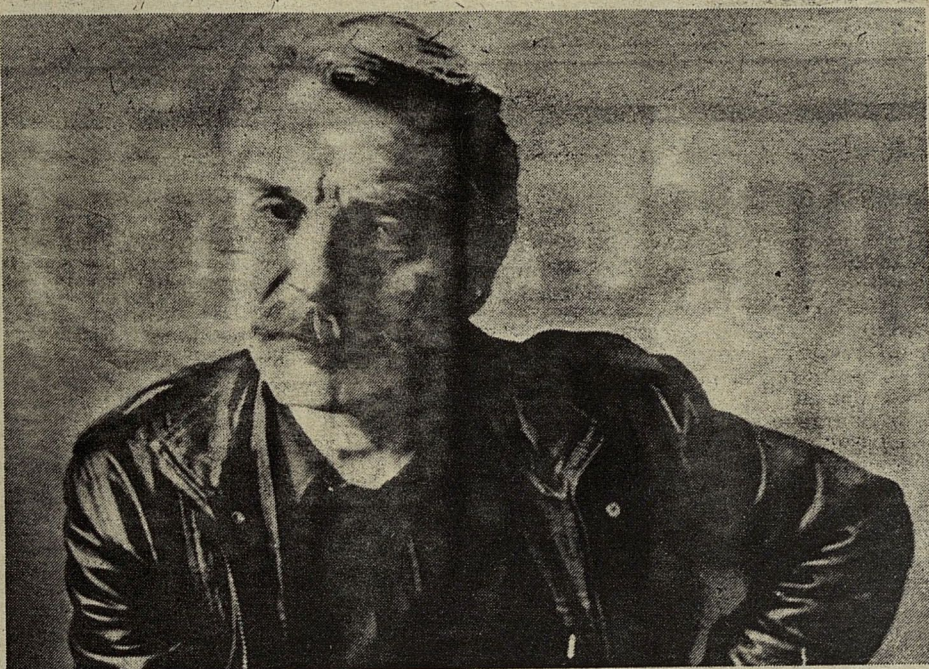
— Вы определили внутренний нерв искусства, но художник и зритель не живут в вакууме. Что же нас делает такими, какие мы есть?

— И сегодня, если мы хотим созидания, а не разрушения, развала, анархии, крови, не победы идеологии и безответственности, должны осознать самих себя: кто мы, что мы, откуда, из каких корней? Осознать себя в истории. Мне кажется, историю нельзя ни проклинать, ни осуждать, ни поощрять, ее можно только изучать. И делать из нее выводы.

Отечественная история наша никогда не была простой. Она еще П. Я. Чаадаева доводила до истерики (ци-та-ту бы!). Сегодня мы все, кажется, в массовой истерике от нее. А недавно реабилитированный у нас Тарковский в самой трудной, самой героической своей картине «Зеркало», делавшейся и умудрявшейся дойти до экрана в самой дремучей, непролазной глуши застоя, на 10–15 лет раньше «Покаяния», в своих неподъемно трудных размышлениях о судьбах России опирается не на Чаадаева, а на ответ ему Пушкина: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться». Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал. (Вообще зацепишь Пушкина, и невозможно оторваться! Как будто вот он, рядом, только что про наш сегодняшний день сказал). «Нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние». Давно сказано. И уж про завтрашний-то день точно!

— Юрий Владимирович, не кажется ли вам, что в отличие от Пушкина иные сегодня просто измываются над отечественной историей, обращаясь с ней не менее тенденциозно, чем когда-то авторы «Краткого курса истории ВКП(б)»?

— Вся «концепция» нашей сегодняшней исторической истории замечательно, на мой взгляд, и вполне закономерно выражена в тяжелом, честном, может, даже героическом, во всяком случае смелом до самоотверженности, до безрассудства фильме «Так

жить нельзя!». Конечно же, нельзя! Кто ж спорит? Но в чем безрассудство этой, бесспорно, честной и мужественной картины? В стройной концепции фильма. По фильму получается совершенно однозначно, что весь ужас, до которого мы докатились, вся нищета (и материальная, и духовная), темнота и преступность зачаты, вдохновлены и организованы... В. И. Лениным. В фильме, правда, всего один, но зато весомый «завет Ильича»: «расстреливать детей». Вроде как больше ничего интересного он и не завещал. И иллюстрации: расстрелянная царская семья, фотографии самого государя и его расстрелянных малолетних наследников. Я, правда, где-то слышал, что не Ленин «первый начал», было там что-то и 9 января 1905 года. И расстрелянных там было не меньше. И вина их была не больше (чем у наследников). Что была там жуткая, кровавая драка, неразбериха, именуемая во все века и у всех народов «революцией» (слово, кстати, тоже не Лениным и не большевиками выдуманное), а уж никак не одностороннее дьявольское преступление против совести и человечности с запрограммированным на последующее 70, а то и больше лет планомерным уничтожением нации, страны, России.

Представляется мне на эту тему еще такая картинка (артист все-таки, стало быть, мыслью не столько понятиями, сколько образами). Жила-была женщина. Падшая, пьяная, потаскуха. И вот как-то случайно выродила ребенка. А выродивши — очеловечилась, вырастила, выкормила, подняла. И даже воспитала! А оно выросло (дите-то), поднялось, ума набралось, образовалось, оделось почище (на мамашины неправедные средства!) да ее, маму-то, этот модным, лакированным сапогом в харю: «Пошла, мол, вон, грязь, мразь! Не смей меня пачкать!»

Ну ладно, думаешь, пусть. Пусть мы — нация преступников и баранов, которых хитрый ли, жестокий ли преступник может, если захочет, завести куда угодно: в любую пропсть, и мы пойдем! Пусть все наши 70 советских лет — сплошной мрак, ужас и преступление. (Непонятно, правда, как из этих «баранов» Вавиловы, Ахматовы, Тарковские иногда получались). Но мы же вышли из этой страны! И в том ужасе, бардаке и помойке, каковые являет сегодня наша страна, неужели нашего личного вклада ни грамма?

— Мы в ответе за тот мир, в котором живем, и если нас в нем что-то не устраивает, то изменять его придется только самим. И именно в этом, на мой взгляд, суть всего лучшего, что связано с марксизмом, который сегодня едва ли не каждый норовит продать за 30 сребренников или вбить свой гвоздь в это новое распятие.

— Как же мы любим обвинять все и вся. Кроме себя. Теперь добрались до Маркса с Лениным. Покойный Толя Солоницын, помнится, слышать не мог имени Станиславского. Даром, что на того весь просвещенный Запад молится. И не только актерский. Да и к Марксу с Лениным там не столь категоричны. Не Станиславский виноват, а свора неумных и неумных его «ревнителей», «проводителей» в жизнь его гениальной системы.

Сегодня, когда ниспровергаются прежние идеалы, а новые еще никак не утвердили себя, возникает вопрос: как же все-таки жить на перепутье и откуда брать силы для созидания?

Как же все-таки одиноко и неуютно одному! Я с детства (упорно и принципиально, как мне кажется, другие считают, что просто упрямо!) остаюсь атеистом. А ведь сегодня все дружно бросились в религию! Опять как бараны. Когда-то так же дружно в «коммунизм» бросались, «сбрасывали Пушкина с козла» «современности», Рафаэля с Растрелли «расстреливали». Сегодня все качнулись к Богу. А ведь религия недвусмысленно говорила: «Всякая власть от Бога!» Стало быть, и ленинская, и сталинская, и хрущевская, и брежневская? Что ж мы тогда сегодня их всех порицаем? По-«божески» ли это?

Мне смолodu еще мыслилось, что талант в человеке — это умение и любовь! Но все равно: любовь — больше! Без умения таланта не бывает, а без любви — человека.

Беседу вела
Людмила БУЛАВКА.